

Отношение московских подростков к мигрантам: культурная дистанция, временные сдвиги, национальная самоидентификация

«За последние два-три года выходы скинхедов в Москве, Петербурге и других городах — нападения на «нерусских» в метро, на улицах, побоища и погромы на рынках и в синагогах — стали обычным делом»

(*Rambler Mass Media. 2006.22.08*)

Материалы статьи базируются на данных социологического опроса 2108 московских школьников 9-х и 11-х классов, проведенного Центром социологии образования Российской Академии Образования в 2005 г. В ней проводится анализ особенностей отношения московских старшеклассников к трем группам мигрантов: гражданам России, иностранцам из ближнего зарубежья и иностранцам из дальнего зарубежья. Эти три группы обобщенно задают разные параметры культурной, правовой и экономической дистанции, позволяющей охарактеризовать своеобразие отношений «свое — чужое». Так, например, группа граждан России выделяется нами в качестве самостоятельной, поскольку это «свои», принадлежащие к одной культуре и обладающие равными гражданскими правами. Однако и здесь у московских школьников может актуализироваться оппозиция «свое — чужое» по целому ряду параметров, в первую очередь материального характера: затраты городского бюджета, усугубление жилищных проблем и т.п. Группу иностранцев из ближнего зарубежья важно выделить как «бывших своих» в недалеком прошлом, т.е. граждан одной страны. Заметим, что распад СССР

часто рассматривается как «конфликтный развод», где вина перекалывается на бывшие республики. В этой связи можно предположить, что здесь актуализируется особый тип аффективного, амбивалентного отношения к мигрантам из ближнего зарубежья. Это особая зона на шкале культурной дистанции, где наряду с общими моментами (например, владение русским языком) явно обозначены национальные различия и различия в гражданских правах. И, наконец, иностранцы из дальнего зарубежья определяют полюс «чужого» на шкале культурной дистанции. Отношение к ним предполагает особую фиксацию культурных, правовых и экономических различий. Вместе с тем здесь возможно и проявление позитивного отношения: «культурное обогащение», «экономическая выгода» и др.

Предваряя изложение основного материала статьи, важно подчеркнуть, что при определении своеобразие отношений к трем разным группам мигрантов для нас важно было охарактеризовать эти отношения не только по простой шкале оценок («положительное», «безразличное», «отрицательное»), но и выделить *содержательную* специфику разных типов отношения. С этой целью, предлагая вопрос об отношении к мигрантам, мы просили респондентов выделить причины (экономические, культурные, правовые), его обуславливающие. Эти мотивировки и являются для нас основанием при содержательной характеристике разных типов отношения к мигрантам.

Помимо выделения типов отношения к разным группам мигрантов мы рассмотрим еще два аспекта. Первый касается временного сдвига в отношении подростков. Можно предположить, что изменение общеполитической, культурной и экономической ситуации особым образом проецируется и в подростковую субкультуру, влияя на отношение подростка к приезжим. Иными словами, для нас важно показать чувствительность подростковой субкультуры к общеполитическим контекстам. В этой связи мы сравним результаты нашего исследования с опросом 2002 г., в котором учащимся (1429 респондентов) предлагался тот же вопрос об их отношении к мигрантам (Собкин, Ваганова, 2003).

Второй аспект связан с проблематикой национальной самоидентификации. Проблематика формирования социальной идентичности является одной из центральных при характеристике подросткового возраста (Выготский, Божович, Эриксон, Кон, и др.). Это сензитивный период для формирования системы отношений «я — другой», «мы — они», «свои — чужие». При этом национальная характеристика выступает как одна из центральных для определения этих отношений. Именно поэтому можно предположить, что особенности национальной самоидентификации будут играть существенную роль в отношении подростков к различным группам мигрантов.

1. Три группы мигрантов — три типа отношения «свое — чужое»

Результаты ответов школьников на вопрос об их отношении к мигрантам приведены в таблице 1.

Как видно из приведенных в таблице данных, к гражданам России у школьников преобладает положительное отношение в отличие от отношения к мигрантам из ближнего и дальнего зарубежья. Это явно проявляется в двух вариантах ответов: «Человек имеет право выбирать место для проживания» (соответственно: 30,3% и 17,6%, 17,7%, различия статистически значимы на уровне $p < .0001$) и «Они в Москве могут решить свои проблемы и жить лучше» (ответственно: 17,1% и 6,4%, 5,6%, $p < .0001$). Иными словами, положительное отношение к гражданам России обосновывается гораздо чаще, с одной стороны, правовыми аспектами (гражданин страны имеет право жить в любом ее городе), а с другой — принятием субъективной позиции мигранта (его желанием жить лучше).

Негативное же отношение наиболее выражено к иностранцам из ближнего зарубежья. Это прослеживается практически по всем отрицательным вариантам ответов. Важно подчеркнуть, что в обосновании негативного отношения к мигрантам из ближ-

Таблица 1

Ответы подростков на вопрос: «Как вы относитесь к тому, что в Москву на постоянное проживание приезжают: граждане России (ГР), иностранцы из ближнего (БЗ) и дальнего (ДЗ) зарубежья?» (%)

	ГР N=2048	БЗ N=2013	ДЗ N=1989
Положительно, это культурное обогащение	20.5	11.9	18.5
Положительно, это улучшает бюджет города	10.5	8.8	16.3
Положительно, они в Москве могут решить свои проблемы и жить лучше	17.1	6.4	5.6
Положительно, человек имеет право выбирать место для проживания	30.3	17.6	17.7
Отрицательно, городской бюджет несет расходы из-за поддержки приезжих	5.7	10.4	8.2
Отрицательно, это обостряет жилищную проблему	11.4	19.6	11.5
Отрицательно, «Москва для москвичей»	13.6	28.4	22.4
Отрицательно, так как чужие обычаи и традиции могут повредить культуре города	3.2	9.4	8.6
Мне все равно	13.5	13.1	15.1

него зарубежья не только чаще используют мотивировки прагматического характера (обострение жилищной проблемы, расходы городского бюджета), но и мотивы, связанные с угрозами разрушения базовых культурных ценностей. Это ведет к тому, что в отношении к представителям ближнего зарубежья наиболее часто проявляется позиция, связанная с экстремистскими установками: «Москва для москвичей» (28,4%). Заметим, что сам этот лозунг в неявном виде направлен на перевод проблематики межнационального взаимодействия собственно в правовую плоскость и апеллирует к установлению жестких нормативных границ неприятия «иного».

К иностранцам из дальнего зарубежья так же, как и к гражданам из ближнего зарубежья, проявляется охранительная позиция, поскольку здесь вариант ответа «Москва для москвичей» выбирает практически каждый четвертый подросток (22,4%). В то же время в отличие от отношения к мигрантам из ближнего зарубежья здесь высок и процент ответов, связанных с позитивным отношением, причем это касается как прагматических аспектов («улучшение бюджета города»), так и культурного взаимодействия (культурное обогащение). Складывается впечатление, что отношение к данной группе неоднозначно, как бы размыто; количество позитивных и негативных ответов выражено практически в равных долях. Возможно, это связано с тем, что и само понятие «иностранец из дальнего зарубежья» необходимо более точно формулировать, учитывая, в частности, значимость для русской культуры оппозиции «восток — запад» (Европа — Азия). В целом же, как мы видим, отношение к иностранцам из дальнего зарубежья амбивалентно.

Таким образом, к трем группам мигрантов проявляются три разных типа отношений. К россиянам московские школьники относятся позитивно и воспринимают их как «своих», акцентируя внимание на правовом равенстве граждан страны. По отношению к мигрантам из ближнего зарубежья, («бывшим своим»), проявляется выраженная позиция отторжения. Барьеры фиксируются как относительно прагматических аспектов,

так и культурных и правовых. Можно полагать, что подобная тотальная охранительная установка является реакцией на аффективно переживаемый разрыв отношений, связанный с распадом СССР. И, наконец, к мигрантам из дальнего зарубежья отношение амбивалентно: иностранец из дальнего зарубежья, с одной стороны, полезен в прагматическом плане, он культурно интересен подросткам, а с другой, в отношении к нему весьма часто проявляется охранительная установка «Москва для москвичей».

2. Изменения в отношении к мигрантам: временные сдвиги в значимости проблематики

Мы имеем возможность обратиться к анализу особенностей изменения отношения подростков к различным группам мигрантов, сравнив результаты двух опросов, проведенных нами в 2002 и 2005 гг.

Анализ полученных данных показывает, что за этот период существенно уменьшилась доля подростков, безразличных к проблемам миграции. На рисунке 1 приведены данные относительно выбора варианта ответа «Мне все равно» применительно к трем группам приезжих: гражданам России (ГР), иностранцам из ближнего (БЗ) и дальнего зарубежья (ДЗ).

Если в 2002 г. доля «безразличных» к проблемам миграции среди школьников составляла почти треть от всех опрошенных, то в 2005 г. их число сократилось более, чем в два раза. Характерно, что эта тенденция проявилась ко всем трем группам приезжих (различия между данными двух опросов по всем трем группам мигрантов статистически значимы на уровне $p < .0001$). Подобное снижение числа «безразличных» позволяет сделать вывод о том, что за последние три года сама значимость проблематики отношения к миграции в подростковой среде резко увеличилась.

Более детальный анализ полученных материалов показывает, что снижение «безразличия» к проблематике миграции связано с увеличением числа как позитивных, так и негативных вариантов ответов (см. таблицу 2).

Как видно из таблицы, в отношении к гражданам России за период с 2002 по 2005 гг. резко увеличилось число положительных вариантов ответов, в то время как количество ответов, выражающих разные модальности негативного отношения, здесь не изменилось. По отношению же к двум

другим группам мигрантов (из ближнего и дальнего зарубежья) картина иная. Здесь наряду с увеличением позитивных реакций явно растет и число негативных.

Можно предположить, что отмеченные тенденции в отношении к мигрантам связаны с ростом тревоги и страха относительно внешних угроз. Так, известно, что в ситуации внешней опасности активизируются социокультурные интегративные процессы. Этому в нашем случае соответствует рост позитивных реакций подростков в отношении к гражданам России и табуирование в отношении к ним негативных проявлений. По отношению же к иностранцам из ближнего и дальнего зарубежья увеличивается число амбивалентных реакций, что можно рассматривать как проявление неуверенности и рост внутренней напряженности.

С целью уточнения полученных данных нами был проведен специальный факторный анализ результатов двух проведенных опросов (2002 и 2005 гг.), в ходе которого мы попытались учесть не только временные, но и гендерные различия, касающиеся отношения подростков Москвы к разным группам

Таблица 2

Отношение подростков к разным группам мигрантов (граждане России (ГР), иностранцы из ближнего (БЗ) и дальнего (ДЗ) зарубежья) по материалам опросов 2002 и 2005 гг. (%).

	ГР			БЗ			ДЗ		
	2002 N=943	2005 N=2048	P<	2002 N=918	2005 N=2013	P<	2002 N=913	2005 N=1989	P<
Положительно, это культурное обогащение	15,2	20,5	.0001	8,8	11,9	.02	12,7	18,5	.0001
Положительно, это улучшает бюджет города	5,3	10,5	.0001	4,4	8,8	.0001	10,5	16,3	.0004
Положительно, они могут решить свои проблемы и жить лучше	10,0	17,1	.0001	3,2	6,4	.0006	3,2	5,6	.0006
Положительно, человек имеет право выбирать место для проживания	25,1	30,3	.005	16,0	17,6		14,3	17,7	.007
Отрицательно, бюджет несет расходы	5,5	5,7		9,0	10,4		5,7	8,2	
Отрицательно, это обостряет жилищную проблему	8,7	11,4		13,5	19,6	.0001	8,5	11,5	.02
Отрицательно, «Москва для москвичей»	14,0	13,6		22,8	28,4	.004	20,5	22,4	
Отрицательно, чужие обычаи могут повредить культуре города	3,1	3,2		4,9	9,4	.0002	4,6	8,6	.0002
Мне все равно	27,5	13,5	.0001	29,2	13,1	.0001	30,8	15,1	.0001

мигрантов. Для этого была сформирована матрица исходных данных, где по строкам располагались различные варианты ответов об отношении к приезжающим в Москву на постоянное проживание, а столбцы соответствовали позициям ответов в подвыборках мальчиков и девочек об их отношении к трем группам приезжих (гражданам России, иностранцам из ближнего зарубежья, иностранцам из дальнего зарубежья) по опросам 2002 и 2005 гг. Ячейка матрицы (пересечение столбца и строки) фиксировала процент выбора соответствующего варианта ответа в соответствующей подвыборке респондентов. Эта матрица исходных данных была факторизована методом Главных Компонент с последующим вращением Varimax Кайзера. В результате было выделено три фактора, описывающие 92,1% общей суммарной дисперсии. Результаты факторного анализа приведены в таблицах 3 и 4.

Как видно из приведенных в таблице 3 данных, на положительном полюсе первого фактора (F1) с высокими весовыми нагрузками сгруппировались все варианты ответов, которые фиксируют отрицательное отношение к мигрантам, а на противоположном полюсе с достаточно высокой весовой нагрузкой — ответ, характеризующий «безразлич-

ное» отношение к приезжим. Таким образом, данный фактор можно охарактеризовать через оппозицию: «отрицательное отношение — безразличие».

В отличие от отрицательных вариантов ответов, которые объединились в один общий фактор, позиции, фиксирующие положительное отношение к мигрантам, разбились на два разных фактора — F2 и F3. Фактор F2 является униполярным. Его положительный полюс с высокими весовыми нагрузками определяет ответы: «Отношусь положительно, это культурное обогащение» и «Отношусь положительно, это улучшает бюджет города». Данный фактор фиксирует в целом положительное отношение к мигрантам в силу «их прагматической полезности». Его мы обозначим: F2 — «Прагматическая полезность».

Фактор F3 на своем положительном полюсе объединил два других варианта ответов, которые также фиксируют положительное отношение к мигрантам. Однако здесь достаточно явно проявляется установка на понимание ситуации миграции не с объективной (как в предыдущем факторе F2),

Таблица 3

Весовые нагрузки вариантов ответов на вопрос об отношении к мигрантам по выделенным факторам

	F1 47,3%	F2 26,8%	F3 18,0%
Положительно, это культурное обогащение	-0,25	-0,87	0,30
Положительно, это улучшает бюджет города	0,20	-0,93	-0,19
Положительно, они могут решить свои проблемы и жить лучше	-0,20	-0,23	0,90
Положительно, человек имеет право выбирать место для проживания	-0,27	0,23	0,88
Отрицательно, бюджет несет расходы	0,86	0,00	-0,35
Отрицательно, это обостряет жилищную проблему	0,94	0,22	0,12
Отрицательно, «Москва для москвичей»	0,82	0,01	-0,54
Отрицательно, чужие обычаи могут повредить культуре города	0,87	-0,25	-0,26
Мне все равно	-0,62	0,47	-0,62

Таблица 4

Размещение значений по осям выделенных факторов отношения мальчиков (м) и девочек (д) к трем группам мигрантов (граждане России (ГР), иностранцы из ближнего (БЗ) и дальнего (ДЗ) зарубежья) в опросах 2002 и 2005 гг.

	F1	F2	F3
2005 м ГР	-0,50	-1,42	1,10
2005 д ГР	-0,28	0,25	2,15
2005 м БЗ	2,17	0,22	-0,01
2005 д БЗ	1,27	0,39	0,45
2005 м ДЗ	0,69	-1,48	-0,51
2005 д ДЗ	0,12	-1,05	-0,06
2002 м ГР	-1,23	-0,60	-0,18
2002 д ГР	-0,80	1,41	0,77
2002 м БЗ	0,40	0,76	-1,04
2002 д БЗ	-0,17	1,53	-0,40
2002 м ДЗ	-0,59	-0,27	-1,52
2002 д ДЗ	-1,07	0,26	-0,73

а с субъектной позиции самого мигранта: «Они могут решить свои проблемы и жить лучше», «Человек имеет право выбирать место для проживания». На отрицательном же полюсе данного фактора с достаточно высокой весовой нагрузкой, как и в факторе F1, находится «безразличное» отношение к приезжим. В целом фактор F3 можно определить через оппозицию: «субъектное принятие — безразличие».

Из приведенных в таблице 4 данных видно, что по оси фактора F1 («Отрицательное отношение — Безразличие»), за прошедшие три года произошли весьма существенные изменения в отношении подростков к мигрантам. Так, если в 2002 г. негативное отношение фиксировалось лишь у мальчиков в отношении к приезжим из ближнего зарубежья, то в 2005 г. отрицательное отношение тотально проявляется к мигрантам как из ближнего, так и из дальнего зарубежья. Причем это характерно и для мальчиков, и для девочек. Добавим, что по полученным данным, наиболее выраженная негативная реакция проявляется к мигрантам из ближнего зарубежья. В отношении же граждан России негативная реакция подростками не проявляется; здесь, напротив, демонстрируется «безразличие» к возможности их приезда в город.

По фактору F2 («прагматическая полезность») каких-либо существенных изменений в отношении к мигрантам не произошло. Можно лишь отметить, что за прошедшие три года отношение девочек к приезжим из дальнего зарубежья сменилось с «безразличного» на явно позитивное. Теперь девочками отчетливо фиксируется «прагматическая полезность» приезда мигрантов из дальнего зарубежья: это и «культурное обогащение», и «улучшает бюджет города».

И, наконец, по фактору F3 («Субъективное принятие — Безразличие»), который так же, как и предыдущий, определяет позитивное отношение к приезжим (но в отличие от фактора F2 он фиксирует не прагматичный аспект, а понимание ситуации миграции именно с внутренней позиции самого мигранта), за последние три года произошли достаточно существенные изменения. Во-первых, здесь важно выделить отноше-

ние мальчиков к гражданам России, которое сменилось с «безразличного» на явно позитивное. Во-вторых, следует обратить внимание на то, что девочки изменили свое отношение к мигрантам из ближнего зарубежья, перейдя от безразличия к субъектной, «принимающей» позиции.

В качестве иллюстрации рассмотрим особенности размещения значений отношения мальчиков и девочек по осям факторов F1 и F3 к трем группам мигрантов в опросах 2002 и 2005 гг. (см. рисунок 2).

Как мы видим, в квадранте III разместились практически все позиции, характеризующие отношение подростков к различным группам мигрантов. Заметим, что этот квадрант определяет «безразличие» в отношении к мигрантам и по оси фактора F1, и по оси фактора F3. Таким образом, это пространство можно охарактеризовать как «зону безразличия». Характерно, что за прошедшие между двумя опросами три года произошел стремительный «выход» подростков из этой «зоны безразличия». Причем в отношении к мигрантам из ближнего и дальнего зарубежья подобный выход сопровождался явным усилением тотально негативной реакции.

Стоит также специально отметить позицию девочек в отношении к гражданам из ближнего зарубежья, которые по данным опроса 2005 г. разместились в квадранте I. Этот квадрант по своему содержанию, с одной стороны, характеризует негативное отношение (F1+), а с другой — субъективное принятие (F3+). Таким образом, мы видим, что лишь к мигрантам из ближнего зарубежья, причем только у девочек, проявляется выраженная амбивалентная реакция.

И, наконец, важно обратить внимание на отношение подростков к гражданам России. Оно характеризуется размещением в квадранте IV, который определяется субъективным принятием (F3+) и задает «зону безразличия» (F2-) именно как оппозицию к негативным реакциям. Заметим, что в течение последних трех лет какой-либо динамики в изменении отношения девочек практически не произошло; у мальчиков же «безразличие» (2002) сменилось явным субъективным принятием мигрантов — граждан России.

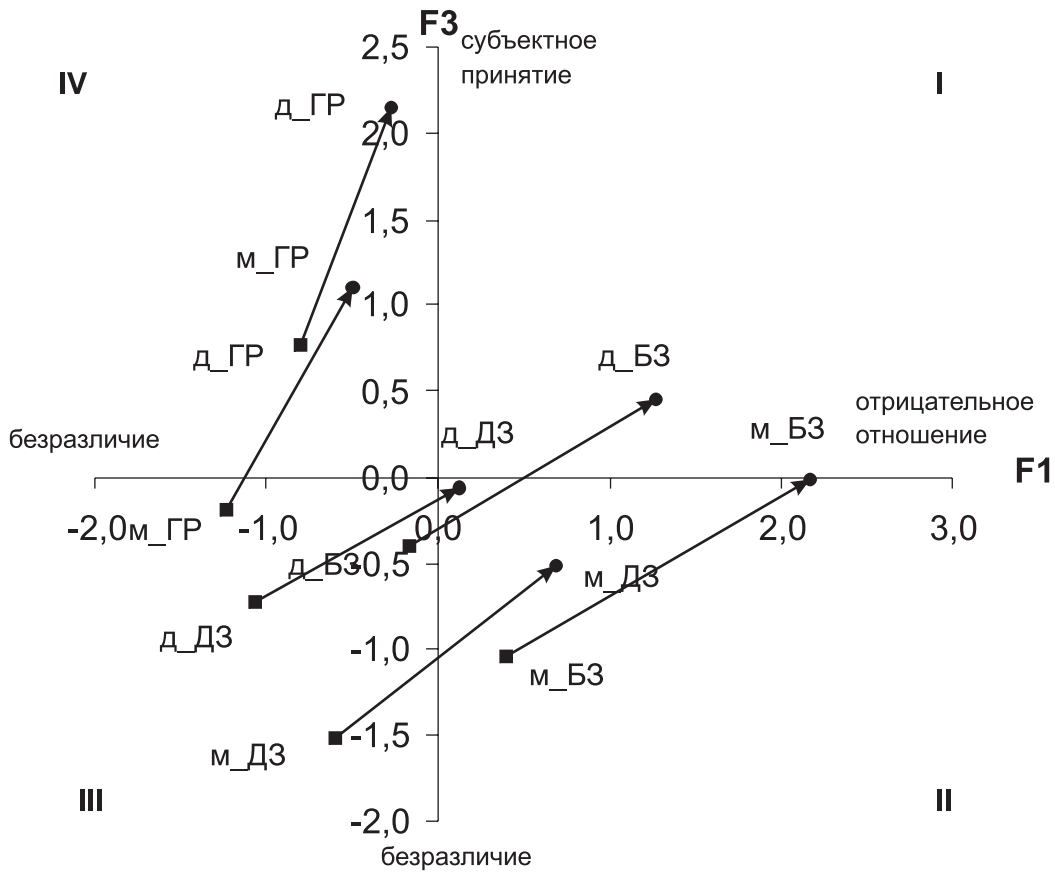

Рисунок 2

Размещения значений отношения мальчиков (м) и девочек (д) по осям факторов F1 («Отрицательное отношение — Безразличие») и F3 («Субъективное принятие — Безразличие») к трем группам мигрантов (граждане России (ГР), иностранцы из ближнего (БЗ) и дальнего (ДЗ) зарубежья) в опросах 2002 и 2005 гг. (■ — 2002г. ● — 2005г.)

В целом приведенные на рисунке данные наглядно иллюстрируют уже описанную нами выше тенденцию: интеграция со «своим» и параллельное усиление неприятия «чужого».

3. Национальная самоидентификация и отношение к мигрантам: позиции большинства, меньшинства и полукровок

Понятно, что при определении отношения к мигрантам характеристика их национальной принадлежности играет существенную роль, поскольку национальность является важным

параметром для определения границы «свое — чужое». Действительно, если мы возьмем московского подростка, который по своей национальности является азербайджанцем, то на вопрос о приезде именно азербайджанцев в Москву он будет реагировать не так, как представитель какой-либо другой национальности. Здесь национальная идентичность выступит важным и во многом определяющим фактором в отношении к данной национальной группе мигрантов из ближнего зарубежья. То же можно сказать и о грузинском подростке, армянском и т.д. В этой связи важно подчеркнуть, что процент жителей нерусской национальности в Москве достаточно высок. Более того, высокая доля представителей национальных групп — характерная черта жизни практически любого мегаполиса. Поэтому учет такого фактора, как

национальная самоидентификация, имеет принципиальное значение для выявления особенностей отношения к мигрантам. Заметим, что и бытовые конфликты коренных жителей с мигрантами часто идеологически оформляются и декларируются именно как национальные. Это и определяет необходимость продолжения нашего дальнейшего анализа в направлении учета влияния фактора национальной самоидентификации подростка на его отношение к мигрантам.

Предваряя изложение конкретных материалов, стоит высказать несколько соображений методического характера. Сама постановка вопроса о национальной самоидентификации предполагает выяснение принадлежности респондентов к той или иной национальной общности. Непосредственно в ходе анкетного опроса вопрос так и формулировался: «Укажите вашу национальность». Кроме того, респондентов просили также указать национальность отца и национальность матери. Однако здесь необходимо уточнение. Заметим, что в ходе реального социологического опроса создать репрезентативные подвыборки представителей различных национальностей, проживающих в мегаполисе, практически невозможно (в лучшем случае это можно сделать относительно двух-трех национальных групп, если само исследование специально не ориентировано на изучение представителей конкретных национальностей). Поэтому в ходе анализа данных мы вынуждены строить обобщенные подвыборки респондентов, выделив в качестве основных группу национального большинства (оба родителя русские), национального меньшинства (оба родителя одной и той же национальности, отличной от русских) и полукровок (те, у кого родители разных национальностей). Более того, методически подобное обобщение, связанное с выделением этих трех групп, представляется вполне правомерным, поскольку и самих мигрантов мы также не конкретизируем по их принадлежности к тем или иным национальным группам, задавая лишь весьма общие параметры: «гражданин России», «гражданин из ближнего зарубежья», «гражданин из дальнего зарубежья».

В связи с вышесказанным возникает вопрос, касающийся уточнения предмета ис-

следования. Действительно, если мы задали достаточно обобщенные параметры для характеристики респондентов по их национальной принадлежности (национальное большинство, национальное меньшинство, полукровка), а также и весьма общие характеристики мигрантов (граждане России, иностранцы из ближнего зарубежья и иностранцы из дальнего зарубежья), то как сюда вписывается вопрос о роли национальной самоидентификации в определении отношения к мигрантам? Ведь в ходе подобных обобщений сама национальная специфика уже «исчезает». Поэтому, отвечая на подобный вопрос, уточним, что для нас здесь важно выявить именно общие тенденции влияния отнесения себя к национальному большинству либо меньшинству в отношении к мигрантам. Так, можно предположить, что именно эти группы подростков существенно разойдутся в своих положительных и отрицательных оценках по вопросам миграции. Заметим, что здесь может проявиться либо особая охранительная позиция национального большинства, либо, напротив, оно окажется достаточно толерантным, не видя для себя какой-либо угрозы в «размывании» культурных ценностей. Весьма неоднозначной может оказаться и позиция полукровок и представителей национального меньшинства.

Для выявления особенностей влияния национальной самоидентификации на отношение к мигрантам нами был проведен специальный факторный анализ. С этой целью была сформирована матрица исходных данных, где строки соответствовали различным типам отношения к приезжающим в Москву на постоянное проживание, а столбцы фиксировали позиции мальчиков и девочек национального большинства, национального меньшинства и полукровок в отношении к различным группам приезжих (гражданам России, иностранцам из ближнего зарубежья, иностранцам из дальнего зарубежья). Ячейка матрицы пересечения столбца и строки фиксирует, какой процент мальчиков или девочек в соответствующей подвыборке (национальное большинство, национальное меньшинство и полукровка) выбрал соответствующий тип отношения к той или иной группе приезжих.

Сформированная таким образом матрица исходных данных была факторизована методом Главных Компонент с последующим вращением Varimax Кайзера. В результате было выделено два фактора, объясняющие 77,5% общей суммарной дисперсии. Результаты факторного анализа приведены в таблице 5.

Охарактеризуем содержательные особенности выделенных факторов.

На положительном полюсе первого фактора F1 сгруппировалось большинство отрицательных ответов: «Чужие обычаи могут повредить культуре города», «Москва для москвичей», «Бюджет несет расходы из-за поддержки приезжих». На отрицательном — те варианты позитивного отношения, которые характеризуют *субъектную* позицию принятия мигрантов: «человек имеет право выбирать место для проживания», «они могут решить свои проблемы и жить лучше». Таким образом, положительный полюс данного фактора отражает негативное отношение к приезжим, выражающееся в эгоцентрической и охранительной позиции, а отрицательный содержит установки на принятие проблемной ситуации другого, сочувствие. В целом данный фактор можно охарактеризовать через оппозицию: активное неприятие иного, эгоцентризм (положительный полюс) — субъектное отношение, принятие (отрицательный полюс).

Фактор F2 так же, как и фактор F1, является биполярным. Его положительный полюс характеризует негативное отношение к приезжим в связи с «обострением жилищной проблемы». Иными словами, здесь фиксируется определенная содержательная доминанта, характерная для крупных городов: неблагополучие с жильем. На отрицательном же полюсе сгруппировались варианты ответов, фиксирующие позитивное *прагматическое* отношение: материальное и культурное обогащение. Здесь проявляется установка на прагматическую «полезность» приезжих. То, что на этом полюсе с высокой весовой нагрузкой оказался вариант ответа «Мне все равно», дает основания к выводу о том, что сами эти аспекты ценностно не столь значимы для подростка, т.е. подростки, скорее всего, к ним равнодушны. В целом же данный фактор F2 задает содержательную оппозицию: «Обострение жилищной проблемы — Прагматическая полезность».

Следует обратить внимание на то, что результаты данного факторного анализа так же, как и предыдущего, где мы рассматривали структурные особенности изменения отношения к приезжим за прошедшие три года, фиксируют разделение положительных вариантов ответов на два разных смысловых полюса. Один из них (фактор F1) определяет субъектное принятие, а другой (фактор F2) — прагматические установки

Таблица 5

Весовые нагрузки вариантов ответов на вопрос об отношении к мигрантам по выделенным факторам

	F1 60,8%	F2 16,7%
Положительно, это культурное обогащение	-0,31	-0,74
Положительно, это улучшает бюджет города	0,14	-0,85
Положительно, они могут решить свои проблемы и жить лучше	-0,83	-0,25
Положительно, человек имеет право выбирать место для проживания	-0,95	-0,04
Отрицательно, бюджет несет расходы из-за поддержки приезжих	0,74	0,49
Отрицательно, это обостряет жилищную проблему	0,54	0,73
Отрицательно, «Москва для москвичей»	0,76	0,59
Отрицательно, чужие обычаи могут повредить культуре города	0,78	0,12
Мне все равно	-0,37	-0,80

на «полезность». Вместе с тем важно подчеркнуть и принципиальное различие в результатах второго факторного анализа: параметры отрицательного отношения к приезжим также разделились на два фактора. Причем сами выделенные факторы задают явные содержательные оппозиции между различными параметрами позитивного и негативного отношения. Таким образом, при переходе к иному содержательному основанию, касающемуся фиксации иной социальной позиции респондента, а именно основанию, связанному с его национальной самоидентификацией, явно проявляется и иная — амбивалентная — структура отношения к мигрантам.

Для понимания особенностей отношения подростков, принадлежащих к национальному большинству, меньшинству и полу-

кровкам, к разным группам приезжих (граждане России, приезжие из ближнего и дальнего зарубежья) рассмотрим размещение этих позиций в пространстве выделенных факторов (см. рисунок 3).

Как мы видим, приведенные на рисунке данные фиксируют четкую дифференциацию отношения подростков к различным группам приезжающих в зависимости от их национальной самоидентификации. Так, пространство, заданное квадрантом I, характеризует содержательные особенности отношения мальчиков и девочек, идентифицирующих себя с национальным большинством либо меньшинством, к мигрантам из ближнего зарубежья. Суть этого отношения состоит в тотальном неприятии. Здесь представлена эгоцентрическая, охранительная позиция в отношении к мигрантам, ко-

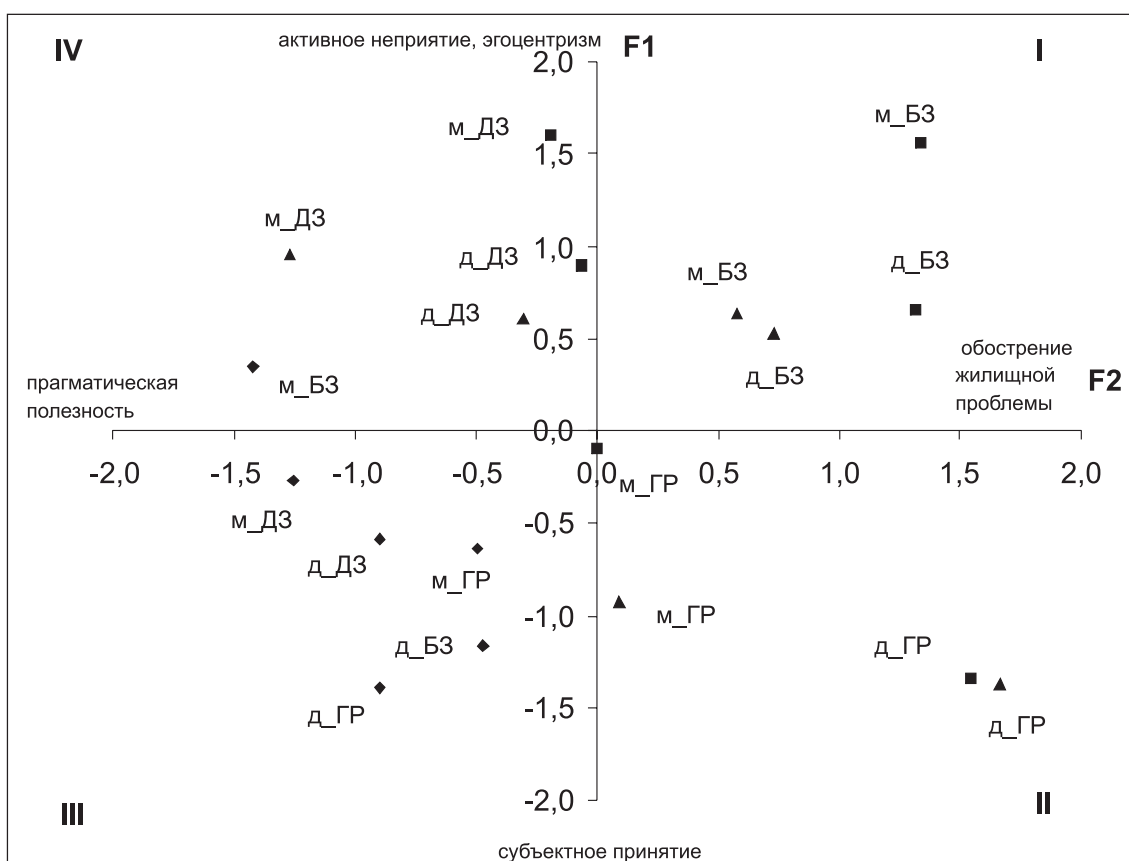

Рисунок 3

Размещение представителей национального большинства, меньшинства и полукровок (мальчики — «м», девочки — «д») к приезжающим в Москву на постоянное проживание (гражданам России (ГР), ближнего (БЗ) и дальнего зарубежья (ДЗ)) в пространстве факторов F1 («Активное неприятие, эгоцентризм — Субъективное принятие») и F2 («Обострение жилищной проблемы — Прагматическая полезность»)

(■ — большинство ▲ — меньшинство ◆ — полукровки)

торая, с одной стороны, выражается в опасениях за культуру и бюджет города (F1+), а с другой, фиксирует обострение жилищных проблем города (F2+).

Пространство квадранта II характеризует содержательные особенности отношения мальчиков и девочек, идентифицирующих себя с национальным большинством либо меньшинством, в их отношении к *гражданам России*. Здесь отношение по оси фактора F1 принципиально иное, чем к мигрантам из ближнего зарубежья: активное неприятие, эгоцентризм меняется на субъективное принятие, когда приезд в город обосновывается признанием правового равенства мигрантов с коренными жителями и оправдывается стремлением мигранта «жить лучше» (F1-). Вместе с тем отметим, что подобное позитивное отношение амбивалентно, поскольку сам приезд мигрантов-граждан России связывается с обострением жилищных проблем города.

Пространство квадранта IV характеризует содержательные особенности отношения мальчиков и девочек, идентифицирующих себя с национальным большинством либо меньшинством, к гражданам из *дальнего зарубежья*. Так же, как и в отношении к мигрантам из ближнего зарубежья, здесь достаточно явно выражены эгоцентрические и охранительные позиции (F1+). Вместе с тем по фактору F2 отношение принципиально иное, поскольку фиксируется «прагматическая полезность» приезжих из дальнего зарубежья: культурное обогащение, улучшение бюджета города. Иными словами, если отношение к мигрантам из ближнего зарубежья (квадрант I) характеризуется тотальным неприятием, то отношение к иностранцам из дальнего зарубежья (квадрант IV) амбивалентно.

Таким образом, каждый из рассмотренных нами выше трех квадрантов фиксирует тип отношения к трем разным группам приезжих: квадрант I — к иностранцам из ближнего зарубежья, квадрант II — к гражданам России, квадрант IV — к иностранцам из дальнего зарубежья. При этом подчеркнем, что в этих квадрантах фиксируется отношение представителей национального большинства и национального меньшинства.

Заметим, что само по себе сходство оценок у представителей национального большинства и меньшинства — факт нетривиальный; скорее можно было бы предположить, что наиболее явные различия обнаружатся именно между этими двумя группами. Но, как мы видим, полученные результаты не подтверждают эти предположения.

Интерпретируя представленные данные, отметим, что «примыкание» национального меньшинства к большинству, вероятно, связано с тем, что оно «вписалось» в большинство и приняло этот статус. Обращаясь к моделям аккультурации (адаптация группы приезжих, т.е. меньшинства, к условиям жизни в новой стране), можно провести параллель с таким понятием, как *ассимиляция* — утрата меньшинством своей культурной идентичности и принятие взамен норм и ценностей доминирующей группы вплоть до полного растворения в ней. Видимо, именно эти тенденции диктуют национальному меньшинству нормы поведения и реагирования на приезжих. Более того, основной доминантой, определяющей отношение национального меньшинства к мигрантам, является, по-видимому, не столько статус представителя меньшинства, сколько статус «горожанина», жителя Москвы.

И, наконец, нерассмотренным нами остался один квадрант — квадрант III. Подчеркнем, что в контексте вышесказанного он представляет особый интерес. Действительно, в отличие от предыдущих трех квадрантов, фиксирующих, повторимся, отношение национального большинства и меньшинства к разным группам приезжих, в данном квадранте разместились подростки-полукровки. Причем их отношение к разным группам мигрантов, как мы видим, оказалось недифференцировано. В содержательном отношении данный квадрант характеризуется позитивными установками, связанными как с субъектным принятием (F1-), так и с «прагматической полезностью» (F2-). В отличие от квадранта I (тотальное неприятие), это — *зона толерантности*. Подобную толерантную позицию подростков-полукровок по отношению к разным группам приезжих можно, по-ви-

димому, объяснить именно неопределенностью (точнее, «двойственностью») их национальной самоидентификации. В силу этой неопределенности разные группы и оказываются для них «своими». Подобный тип положительного отношения к мигрантам достигается, возможно, в связи с особенностями и своеобразием семейных взаимоотношений: сама мультикультурность семейной среды формирует толерантное отношение к присутствию и вмешательству иных этнических и культурных традиций.

* * *

Приведенные в статье материалы позволяют сделать три наиболее важных, с нашей точки зрения, вывода.

1. Подростковая субкультура весьма чувствительна не только к общим социокультурным процессам, но, подчеркнем, и к тем содержательным контекстам, которые касаются непосредственно идеологии. Характерным примером здесь являются данные о тех изменениях в отношении подростков к мигрантам, которые произошли за последние три года. Актуализация этой проблематики в обществе, как мы видим, отразилась на увеличении негативных реакций в отношении к мигрантам в подростковой среде. Более того, содержательный анализ показал, что на уровне подросткового сознания отчетливо проявляется тенденция интеграции со «своим» и тотальное неприятие «чужого», что свойственно для ситуаций социокультурной мобилизации при наличии внешней угрозы. В этом отношении мнение современного подростка, на наш взгляд, «моделирует» состояние массового сознания россиян.

2. Полученные данные позволили зафиксировать разные типы отношения к «другому» на шкале культурной дистанции: «свои», «бывшие свои», «чужие». В этой связи следует обратить особое внимание на факт, который касается проявления тотальных негативных реакций подростков в отношении к гражданам ближнего зарубежья. Можно полагать, что это является отражением аффекта, связанного с социо-

культурной травмой, возникшей при распаде СССР. Но, подчеркнем, что такова реакция поколения тех подростков, которые родились уже после этого. Поэтому возможна постановка специального вопроса о трансляции от одного поколения к другому не только знаний, норм, ценностей, но и аффективных переживаний, касающихся как отдельных событий, так и межкультурного, межнационального взаимодействия. Заметим, что в педагогическом отношении это один из центральных вопросов, связанных с практикой гражданского и патриотического воспитания.

3. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что разработанная нами методическая процедура по построению шкалы культурной дистанции, учитывающая мотивировки позитивного и негативного отношения к мигрантам, может быть использована в дальнейших социологических и психологических исследованиях, направленных на изучение миграционных процессов и межнациональной напряженности. Важность использования подобной шкалы, на наш взгляд, состоит в том, что она позволяет зафиксировать многомерное отношение к мигрантам. В этой связи заметим, что, как правило, дискуссии в СМИ строятся лишь относительно одной *объектной* модальности в отношении чужого: «польза — вред»; попытки же развернуть проблему миграции в *субъектной* плоскости с позиции реальных жизненных интересов самого мигранта и коренного населения — редкое исключение.

И, наконец, завершая статью, стоит вернуться к эпиграфу. Всего за две последние недели (пока мы оформляли материалы статьи) был совершен взрыв на Черкизовском рынке в Москве, произошли события в Кондапоге с массовыми выступлениями жителей против приезжих. Все это свидетельствует о том, что исследуемая в данной работе проблема весьма актуальна. Впрочем, она была актуальна не только сегодня. В качестве подтверждения завершим статью репликой обычного горожанина из пьесы Е. Шварца «Дракон», которая характеризует стереотип обыденного сознания в отношении «другого»: «Это бродяги по природе, по крови.

Они — враги любой государственной системы, иначе они обосновались бы где-нибудь, а не бродили бы туда-сюда. Их песни лишены мужественности, а идеи разрушительны. Они воруют детей. Они проникают всюду. Теперь мы вовсе очистились от них, но еще сто лет назад любой брюнет обязан был доказать, что в нем нет цыганской крови».

Литература

Павленко В.Н. Аккультурационные стратегии и модели трансформации идентичности у мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы. — М.: Смысл, 2001. — С. 25–39.

Собкин В.С., Ваганова М.В. Политические ориентации подростков и проблема толерантности // Проблемы толерантности в подростковой субкультуре: Труды по социологии образования. — Т. 8. — Вып. 13. — М.: Центр социологии образования РАО, 2003. — С. 39–68.